

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2017

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 14, № 1

ВЕСНА
2017

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 28

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Москва, изд-во «Наука — Восточная литература»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

чл.-корр. РАН **В.И. Васильев** (Москва, РАН)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **Вал.В. Полосин** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

акад. РАН **С.Л. Тихвинский** (Москва, ИДВ РАН)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

Дхарани-самуччая SI 6564 из Хара-Хото в рукописной коллекции ИВР РАН.
Предисловие, транслитерация и примечания **С.Х. Шомахмадова** 5

Письма Высокомудрого Рэннэ (тетрадь четвертая, письма восьмое–пятнадцатое).
Предисловие, перевод с японского и комментарии **В.Ю. Климова** 15

ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю.А. Иоаннисян. Олицетворение букв *басмалы* и миры бытия в вероучении бабизма 29

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О.М. Чунакова. Согдийская манихейская басня 40

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

Ургинский дневник Ф.И. Щербатского (1905).
Предисловие и комментарии **А.И. Андреева** 48

Письма британского востоковеда Вильяма Райта к И.П. Минаеву.
Предисловие, перевод с английского и комментарии **Т.В. Ермаковой** 68

Письма Б. Мейснера к В.К. Шилейко.
Предисловие, перевод с немецкого и комментарии **В.В. Емельянова** 77

Н.Е. Васильева. Чингиз Алиевич Байбурди и его вклад в иранистику 91

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К.Г. Маранджян, В.В. Шепкин. Международный российско-японский симпозиум
«История российско-японских отношений с точки зрения истории
формирования коллекций»
(Япония, Саппоро, 10 июля 2016 г.) 113

А.В. Зорин. Пятые петербургские тибетологические чтения
(Санкт-Петербург, 21 сентября 2016 г.) 117

Т.А. Пан. Шестой международный симпозиум
по изучению письменных памятников Востока
(Санкт-Петербург, 2–6 октября 2016 г.) 120

РЕЦЕНЗИИ

Марахонова С.И. Орден Священного сокровища Сергея Елисеева.
Как сын русского купца стал основателем американского японоведения /
Ин-т вост. рукописей РАН (Азиатский музей). —
СПб.: СИНЭЛ, 2016. — 432 с., ил. (**Е.П. Островская**) 123

Flueckiger J.B. *Everyday Hinduism.* — Chichester: John Wiley & Sons, Ltd, 2015 — 244 p.
(**А.Я. Таран**) 130

На четвертой сторонке обложки: Лист № 4 ксилографа SI 6564.
Концовка *Махатратисара-видья-дхарани* и формула *Йе дхарма хету прабхава*.

Ургинский дневник Ф.И. Щербатского (1905)

Предисловие и комментарии

А.И. Андреева

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники (ИИЕТ) РАН

Весной 1905 г. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии командировал приват-доцента С.-Петербургского университета Ф.И. Щербатского в Ургу, где в то время находился Далай-лама XIII, бежавший из Тибета в Монголию (в июле 1904 г.) после вторжения в страну английской военной экспедиции Дж. Макдональда — Ф. Янгхазбенда. Ф.И. Щербатской намеревался вступить в личный контакт с Далай-ламой и с его помощью совершить поездку в Тибет с целью поиска интересовавших его буддийских текстов на тибетском и санскритском языках в составе русского эскорта, возглавить который собирался известный путешественник, исследователь Центральной Азии и Тибета П.К. Козлов. В своем дневнике (май–июль 1905 г.) Ф.И. Щербатской описывает встречи с Далай-ламой, русским консулом В.Ф. Люба, путешественниками П.К. Козловым и Г.Ц. Цыбиковым, пересказывает разговоры с приближенными Далай-ламы. Все это делает Ургинский дневник Щербатского ценным историческим источником. В статье приводятся наиболее интересные отрывки из дневника, расшифрованные автором и снабженные комментариями.

Ключевые слова: Монголия, Урга, Лхаса, Тибет, Россия, Далай-лама XIII, Богдо-геген, Ф.И. Щербатской, П.К. Козлов, русский консул В.Ф. Люба.

Статья поступила в редакцию 28.06.2016.

Андреев Александр Иванович, доктор исторических наук, ведущий сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники (ИИЕТ) РАН, РФ; 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 5 (andreev_ai@inbox.ru).

© Андреев А.И., 2017

Поездка Федора Ипполитовича Щербатского в Ургу весной 1905 г. занимает особое место в его биографии. Приват-доцент Санкт-Петербургского университета Щербатской впервые оказался в одном из главных центров буддийского Востока; встреча же и установление личных контактов с Далай-ламой XIII давали ученому надежду на путешествие в Тибет и доступ к богатейшим книжным собраниям тибетских монастырей. Поездка эта, как известно, была организована Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА). Напомню, что Далай-лама бежал из Тибета в Монголию (в июле 1904 г.) после вторжения в страну английской военной экспедиции Дж. Макдональда — Ф. Янгхазбенда. Обосновавшись в монгольской столице, он рассчитывал, и не без основания, на дипломатическую помощь

России¹, официальные контакты с которой были установлены ранее (в 1898–1901 гг.) эмиссаром Далай-ламы — ученым, бурятским ламой Агваном Доржиевым (Андреев 2006: 77–105).

Как пишет Т.Л. Шаумян в монографии «Англия и Россия в борьбе за господство над Тибетом», «к началу 1905 г. основной целью находящегося в Урге далай-ламы было возвращение в Тибет с помощью России при условии полного урегулирования англо-китайских и англо-тибетских отношений». Позиция русской дипломатии в тибетском вопросе сводилась к следующему: «Переезд далай-ламы в Тибет, что было бы самым правильным решением вопроса, — небезопасен». А потому лучшим вариантом в данной ситуации было бы «длительное пребывание далай-ламы в Урге, во всяком случае, до того времени, когда прояснится положение России в русско-японской войне»; «...близость же к русским границам и пребывание русского консула в Монголии дают России возможность постоянно контролировать положение в Тибете и снабжать далай-ламу советами и указаниями» (Шаумян 2001: 133).

Одновременно со Щербатским на встречу с Далай-ламой в Ургу спешно отправился и известный путешественник капитан П.К. Козлов², командированный министерством иностранных дел совместно с Главным штабом «под флагом» Императорского Русского географического общества (ИРГО)³. Козлов должен был приветствовать тибетского первосвященника и поднести ему подарки от Общества, но также имел поручения сугубо дипломатического и военного характера. В частности, ему было поручено выяснить у Далай-ламы, какой помощи он ожидает от России, и кроме этого провести негласную разведку в Восточной Монголии (Козлов 2004: 98). Руководство МИД формально одобрило предложенный Козловым проект «русского конвоя» из казаков и бурятских буддистов для сопровождения Далай-ламы из Монголии обратно в Лхасу. Возглавить такой конвой намеревался сам Козлов. Это позволило бы ему проникнуть в неисследованные части Центрального и Южного Тибета и провести там географические и иные исследования. Дневник Козлова о его поездке в Ургу был впервые опубликован в 2004 г. (Козлов 2004).

Наконец, Ургу посетил, по заданию Восточного института во Владивостоке, еще один путешественник, востоковед Гомбожаб Цыбилов (1833–1930). Он, как известно, совершил в 1899–1902 гг. путешествие в Тибет под видом буддиста-паломника и доставил в Петербург в распоряжение ИРГО ценнейшие сведения об этой стране, в то время недоступной для европейцев, в том числе сделанные им тайком фотографии (Цыбилов 1919)⁴.

Краткий отчет Ф.И. Щербатского о поездке в Ургу был опубликован в 1906 г. (Известия РКИСВА 1906: 19–20) и переиздан в 1989 г. Я.В. Васильковым вместе с «Конспектом первой беседы с Далай-ламой», взятым из Ургинского дневника (Васильков 1989: 250–254)⁵. Это была первая публикация дневниковых записей ученого. В 2001

¹ О времени, проведенном Далай-ламой в Урге, см. (Ломакина 2001; 2006: 50–60). Некоторые официальные документы, относящиеся к пребыванию Далай-ламы в Урге, опубликованы Т.Л. Шаумян, см. (Шаумян 2001: 262–269, № 5–9; 2005: 58–84, № 23–53).

² П.К. Козлов (1863–1935) — путешественник, исследователь Центральной Азии. Первую самостоятельную экспедицию совершил в Монголию и Кам (Восточный Тибет) в 1899–1901 гг. Отчет Козлова о путешествии был опубликован в двух томах: Т. 1. По Монголии до границ Тибета. СПб., 1905; Т. 2. Кам и обратный путь. СПб., 1906 (переизд. в 1947 г. под названием «Монголия и Кам. Трехлетнее путешествие в Тибет»).

³ Так пишет П.К. Козлов в своем «Дневнике по поездке в Монголию» (см.: Козлов 2004: 98).

⁴ Лучшие фотографии Г. Цыбилова (вместе с фотографиями калмыка Овше Норзунова, побывавшего в Тибете в 1900–1901 гг.) опубликованы в издании (Andreyev 2013).

⁵ Эта беседа приводится в дневнике Ф.И. Щербатского (л. 9 об. — 11).

и 2006 гг. И.И. Ломакина также процитировала в своих публикациях некоторые записи из дневника Ф.И. Щербатского (Ломакина 2001; 2006).

Сам дневник хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН. Ф. 725. Оп. 1. Д. 129) и представляет собой черную кожаную тетрадь размером 18×22 см с записями на 42 листах. Главная причина, почему дневник Щербатского до сих пор не опубликован и не введен в научный оборот, — это крайне трудный для расшифровки почерк ученого. Автору этой статьи удалось расшифровать только небольшую часть дневника. Расшифровка же полного текста едва ли осуществима. Вместе с экспедиционным дневником в том же архивном деле (№ 129) хранится еще одна тетрадь Федора Ипполитовича с выписками на санскрите, по-видимому относящимися к периоду его пребывания в Монголии.

Ф.И. Щербатский выехал из Петербурга в Монголию 26 апреля 1905 г. — «в среду на Фоминой [неделе]», как он пишет в своем дневнике. Некоторое время он провел в Кяхте (Троицкосавске), где встречался с Агваном Доржиевым и получил от него рекомендательные письма к Далай-ламе и некоторым влиятельным лицам монгольского духовенства. В Ургу он въехал 17 мая и остановился в доме местного жителя В.А. Богданова, в то время как Козлов прибыл в Ургу 24 мая и расположился в доме Н.Ф. Корзухина. Оба дома находились неподалеку от монастыря Гандан, в котором нашел временное пристанище Далай-лама.

Оказавшись в монгольской столице, Щербатский и Козлов сразу же окунулись в ту особую атмосферу, которую создавало присутствие в городе Далай-ламы, вызвавшее большой наплыв паломников, и оказались вовлеченными в сложнейшую политическую интригу. Первым аудиенцию у главы Тибета получил Козлов (1 июня), а Щербатского Далай-лама принял 5 июня (в день Троицы), согласно дневниковой записи. Встреча с Козловым состоялась на другой день, после того как Далай-лама встретился с новым российским посланником в Пекине Д.Д. Покотиловым⁶ (31 мая), приезда которого он ожидал с нетерпением.

Всего с Далай-ламой П.К. Козлов встречался девять раз, при этом некоторые из аудиенций были довольно длительными. Последняя из них состоялась 16 июля. Щербатский удостоился лишь нескольких аудиенций (5 июня, 13 и 17 июля), как о том свидетельствуют дневниковые записи. Остальное время Щербатский общался с Далай-ламой заочно, через его бурятского переводчика, приставленного к нему консульством, Найдака Дылыкова⁷ (Делькова в написании Щербатского). Объясняется это тем, что Козлов позиционировал себя с самого начала представителем российского правительства; облаченный в военный мундир, внешне он произвел на Далай-ламу впечатление очень важной персоны, чуть ли не личного посланника царя. В одном из писем С.Ф. Ольденбургу⁸ из Урги Щербатский отмечал, что Козлов намеренно поддерживает в Далай-ламе «уверенность в возможности русского содействия», потому он «больше действует именем Государя — приехал от Государя, едет

⁶ Покотиллов Дмитрий Дмитриевич (1865–1908) — русский дипломат и предприниматель; посол России в Китае (после скоропостижной смерти в Пекине П.М. Лессара) с мая 1905 по 23 февраля 1908 г.

⁷ По сведениям П.К. Козлова, хоринский бурят, почетный зайсан Найдак Дылыков состоял при Далай-ламе переводчиком с монгольского на русский язык, а также в качестве чиновника особых поручений (Козлов 2004: 75–76).

⁸ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) — индолог, непреходящий секретарь АН (1904–1929), директор Азиатского Музея. При его активном участии в 1903 г. в Петербурге был создан РКИСВА — Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении (в составе Международной ассоциации для изучения Средней и Восточной Азии).

к Государю» (Вигасин 2008: 297)⁹. Сам же Щербатской, напротив, предстал перед Далай-ламой как ученый-буддолог, переводчик древних буддийских текстов на санскрите и тибетском. Одет он был в монгольский халат (*дэли*) и держал себя очень скромно. Общение Щербатского с Далай-ламой происходило через двух переводчиков: Дылыков переводил с русского на монгольский, а один из секретарей Далай-ламы, Кончун-Сойбон, — с монгольского на тибетский.

Ф.И. Щербатскому удалось довольно легко расположить к себе Далай-ламу, и между ними установились дружеские, доверительные отношения. Сразу же после первой встречи владыка Тибета предложил русскому ученому отправиться вместе с ним в Лхасу. В то же время русский консул В.Ф. Люба обещал «похлопотать» у Богдогегена (глава буддийской церкви Монголии) о разрешении Щербатскому на посещение монгольских монастырей.

Беседа между Далай-ламой и Щербатским во время их первой встречи касалась в основном научных вопросов. В их двух последующих встречах превалировала политическая тематика. Несмотря на то что Щербатской, в отличие от Козлова, не был политически ангажированным и не старался активно влиять на Далай-ламу, ему пришлось выполнять большую и довольно ответственную работу по поддержанию прямых контактов между консульством России в Урге и Далай-ламой. Из его дневника мы узнаем, что он переводил на тибетский язык для Далай-ламы все адресованные ему письма МИД («министерские бумаги»), а также статьи из англо-китайской прессы, и на русский личные послания Далай-ламы российским дипломатам.

Разыгрывая «русскую карту», Далай-лама-русофил в то же время пытался привлечь к решению тибетского вопроса и американскую дипломатию. Для этого он обратился к Щербатскому (через Дылыкова) с просьбой написать письмо новому послу США в Пекине В.В. Рокхиллу¹⁰. В действительности же идея обращения к американскому дипломату принадлежала Ф.И. Щербатскому. Дылыков лишь передал предложение ученого Далай-ламе, и тот, посоветовавшись со своими приближенными, попросил Щербатского написать от его имени письмо Рокхиллу. Надо сказать, что до этого Далай-лама имел довольно смутные представления об Америке и не знал, кто такой Рокхилл, как об этом сообщает в своем дневнике Щербатской. В результате Щербатской подготовил две версии письма — краткую и полную. Дылыкову больше понравилась полная версия, которую он затем передал Далай-ламе.

Эта добровольная и весьма активная дипломатическая деятельность Ф.И. Щербатского принесла свои плоды. Как он отмечал в своем кратком отчете, «Д[алай]-Л[ама] как по отношению ко мне лично, так и по отношению к Комитету, которого я являлся представителем, отнесся с любезностью и доброжелательством чрезвычайными, даже трогательными, просил меня передать Комитету, что управляемая им страна впредь будет всегда открыта для всяких научных экспедиций и единичных путешественников-ученых и что содействие таковым экспедициям во всем, что от него зависит, бу-

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 685. Л. 23. Письмо Ф.И. Щербатского С.Ф. Ольденбургу из Урги от 17 июля 1905 г. Накануне своей поездки в Ургу П.К. Козлов действительно получил аудиенцию у царя и «Высочайшие» напутствия.

¹⁰ Рокхиль (Рокхилл) Вильям Вудвилл (Rockhill, William Woodville) (1854–1914) — американский дипломат, известный как соавтор политики «открытых дверей» в отношении Китая. В 1880-е годы совершил две экспедиции в Западный Китай, Монголию, Тибет. Описание этих путешествий он опубликовал в книге “The Land of Lamas” (1891). В русском переводе: *Рокхиль В.В.* В Страну лам. Путешествие по Китаю и Тибету. СПб., 1901 (примеч. Г.Е. Грум-Гржимайло). В 1905 г. президент Т. Рузвельт назначил Рокхилла послом в Китае. Эту должность он занимал до 1 июня 1909 г. В дальнейшем был послом в России (1910–1911).

дет оказано. И как доказательство такого своего расположения, Д[алай]-Л[ама] предложил мне сопровождать его во время предстоящего путешествия в Тибет, обещая всяческое содействие моим научным целям» (Васильков 1989: 251).

Судя по дневниковым записям, Ф.И. Щербатской относился к Далай-ламе сочувственно и с большой симпатией и всячески старался оказать ему помощь. Он с готовностью исполнял все его просьбы и по мере сил стремился ускорить решение вопроса о возвращении Далай-ламы в Лхасу, весьма обременительного как для маньчжуро-китайской администрации, так и для британской и российской дипломатии. В то же время другой буддийский иерарх, духовный глава Монголии Богдо-геген (Хутухта VIII), вызывал у него откровенную неприязнь. Из дневника Щербатского мы узнаём о крайне недостойном поведении Богдо-гегена, его разгульной жизни и высокомерном отношении к Далай-ламе.

Продолжительность пребывания Ф.И. Щербатского и П.К. Козлова в монгольской столице определялась во многом политической конъюнктурой. Оба они ожидали окончательного решения МИД по проекту П.К. Козлова о предоставлении Далай-ламе «русского конвоя» до Лхасы. О позиции России Щербатской отзывался довольно неодобрительно, считая, что российская дипломатия стремится удалить Далай-ламу из Урги как можно скорее, чтобы «сбыть дело с рук», и возлагает надежды на окончательное решение «Далай-ламского вопроса» на проходившие в Калькутте переговоры между представителями Цинского Китая и вице-королем Индии с целью заключения договора, который должен был заменить собой «кассированный Йонгхазбендский договор»¹¹.

Англо-китайские переговоры на фоне катастрофической русско-японской войны имели своим последствием то, что МИД в итоге отклонил проект Козлова, что сильно огорчило Далай-ламу. Козлова, правда, это не смутило, и он тут же попытался организовать отдельную (от Далай-ламы) экспедицию в Тибет, пользуясь представившимся случаем, и даже запросил у ИРГО необходимые для этого средства — 20 тыс. рублей (Козлов 2004: 114, запись от 23 июня).

Козлов и Щербатской покинули Монголию во второй половине июля (Козлов — 18 июля, а Щербатской — после 17 июля), когда стало ясно, что МИД окончательно отвернулся от Далай-ламы. Разочарованный таким поворотом событий, Далай-лама стал просить Козлова и Щербатского как можно скорее вернуться в Петербург для передачи российскому правительству его новых просьб. (Воспользоваться услугами российского консульства он, очевидно, не захотел.) Во время второй встречи с Щербатским, состоявшейся 13 июля, тибетский правитель также просил ученого «быть постоянно в близких с ним сношениях» как по политическим, так и по научным делам, а два дня спустя Дылыков передал Щербатскому в переводе на русский язык список поручений Далай-ламы к нему из «5 пунктов». Главный из них, насколько можно судить, состоял в том, что Далай-лама вновь просил Щербатского «похлопотать» в Петербурге о русском «эскорте». В состав эскорта предполагалось включить, с подачи Щербатского, российских ученых Б.Б. Барадийна и Ц. Жамцарано, тесно сотрудничавших с РКИСВА.

¹¹ Покинув Лхасу, Далай-лама оставил вместо себя в качестве регента Лобсана Гьелцена Ламшара (Ти Ринпоче Гандэна), который и подписал 7 сентября 1904 г. договор с Ф. Янгхазбендом. Согласно этому договору, тибетское правительство обязалось не вступать в договорные отношения с другими западными державами, открыть торговые рынки в Гьянцзе и Гартоке, выполнять статьи англо-китайской конвенции 1890 г. (не подписанной Тибетом) и, наконец, уплатить контрибуцию англичанам в размере 7,5 млн. рупий.

Во время последней аудиенции, 17 июля, Далай-лама также просил Щербатского «оказать содействие и помощь» А. Доржиеву, которого он оставлял в России в качестве своего официального представителя, и поблагодарил ученого за то, что он «вызвался ехать с Доржиевым в Европу».

Встречаясь со своими русскими гостями, Далай-лама сделал им несколько ценных подарков: Козлову подарил статуэтку «Будда на алмазном троне» (находится ныне в Кунсткамере), фигурку Майтреи и 18 ценных предметов буддийского культа в дар ИРГО; Щербатскому — национальный халат *хурин-тэрмэ* и статуэтку Арья-бало, стража веры, а Цыбикову — позолоченную статуэтку Цзонхавы. Цыбикова он также пригласил к себе на службу.

18 июля Козлов покинул Ургу (вместе с Н. Кожевниковым и одним из своих спутников, забайкальским казаком П. Телешовым). Щербатской выехал несколько позднее, отдельно от Козлова; точная дата его отъезда неизвестна. Из дневника П.К. Козлова мы узнаём, что Козлов и Щербатской затем встретились в Кяхте и 7 августа вместе вернулись в Москву (Козлов 2004: 127). Здесь важно упомянуть еще один факт. В Верхнеудинске (совр. Улан-Удэ) оба путешественника вновь имели «совещание» с А. Доржиевым и получили от него копии с бумаг, препровожденных к Далай-ламе российским МИД. Русский перевод этих документов П.К. Козлов поместил в заключительной части своего дневника (Там же: 124–126).

Большая часть дневника Ф.И. Щербатского — это пересказ его многочисленных разговоров, почти ежедневных, с Дылыковым и П.К. Козловым, различных новостей и слухов, полученных из самых разных источников, а также достаточно подробное описание трех аудиенций у Далай-ламы (5 июня, 13 и 17 июля). О Далай-ламе и его драматическом положении он пишет больше всего. Но это и понятно, поскольку именно от Далай-ламы в большой степени зависело будущее российской буддологии, которое Щербатской связывал с доступом петербургских буддологов к книжным собраниям тибетских монастырей. И не только это, но и будущее русско-тибетских отношений. Так, из записи от 12 июля мы узнаём, что Далай-лама с восторгом воспринял идею генерала И.В. Холшевникова отправить к нему на службу в Лхасу небольшую группу русских казаков и заявил, что «впредь двери Лхасы будут открыты для русских ученых».

В то же время в своем письме из Урги к С.Ф. Ольденбургу от 11 июля Щербатской подробно рассказывает о событиях, приведших к срыву его планов поездки в Тибет вместе с П.К. Козловым в составе свиты Далай-ламы:

«...моя поездка в Тибет не состоится. <...> В начале, казалось, дела устроивались отлично: Покотилов обещал поддержку, Козлов командовал конвоем, вместо Доржиева при Д[алай]-Л[аме] состоял Дельков. Затем тут же должны были бы находиться Барадин и Жамцаранов¹². Мне рисовалось какое-то торжественное шествие Д[алай]-Л[амы] обратно в Тибет с полурусской свитой — это до того естественно, что никого бы здесь и не удивило, так близко Забайкалье к Тибету с одной стороны, и России с другой. Но вот начинаются препятствия. Покотилкову не удалось раз-

¹² Барадин (Барадин) Бадзар Бадзарович (1878–1937) — монголовед, тибетолог, буддолог. В 1905 г. был командирован РКИСВА в Тибет, провел восемь месяцев в монастыре Лавран, где изучал монастырский быт, систему образования и буддийскую философию (*цаннид*, *тиб. mtshan nyid*), а также заказал печатание ряда книг. За это путешествие ИРГО наградило его золотой медалью и премией им. Н.М. Пржевальского (см.: Барадин 1999; 1924).

Жамцарано Цыбен Жамцаранович (1880–1942) — монголовед-филолог, фольклорист, литератор, общественный и политический деятель Монголии, секретарь (с 1922 г.) Ученого Комитета МНР.

узнать в Пекине о сущности англо-китайского договора о Тибете. М[инистерство] И[ностранных] Д[ел], будто бы даже против желания Покотилова, не соглашается на конвой из бурят, хотя бы без Козлова и хотя бы только до Кукунора. П.П. Семенов¹³ выхлопотал разрешение на самостоятельную экспедицию Козлову. Он сначала обрадовался, а затем теперь начал колебаться и хочет со мной вернуться в Петербург...» (Вигасин 2008: 291–292).

В другом письме С.Ф. Ольденбургу от 17 июля, написанном, вероятно, уже после прощальной аудиенции у Далай-ламы, Щербатской сообщает: «Далай-Лама настаивает на том, чтобы мы с Козловым ехали поскорее в Петербург, чтобы там добиться помощи против Англии. <...> Я просил Далай-Ламу прислать в Петербург молодого тибетца для изучения санскрита» (Там же: 297–298).

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что Ургинский дневник Ф.И. Щербатского представляет собой ценный документальный источник, существенно дополняющий опубликованный им «Краткий отчет о поездке в Ургу» и Монгольский дневник П.К. Козлова. Из него мы узнаём немало новых, весьма интригующих подробностей, относящихся к драматическому периоду пребывания Далай-ламы в Урге летом 1905 г., во время которого наметился коренной перелом в русско-тибетских отношениях — постепенный отход России от прежней политики «сближения» с Тибетом. Как отмечает Т.Л. Шаумян, «во имя достижения договоренности с Англией по другим, более важным для России вопросам международных отношений в Азии, царская дипломатия фактически отказалась от активного участия в тибетских делах» (Шаумян 2001: 172).

Выполнил ли Ф.И. Щербатской, по возвращении в Петербург, данные ему Далай-ламой поручения — на этот вопрос можно ответить утвердительно. Мы знаем, что ученый находился в постоянном контакте с Агваном Доржиевым в Петербурге: поддерживал его планы строительства буддийского храма в Северной столице — событие, имевшее не только религиозное, но до некоторой степени и политическое значение. А в 1910 г., не без помощи того же Доржиева, Щербатской получил возможность снова встретиться с Далай-ламой — на этот раз в Даржилинге вскоре после его повторного бегства из Лхасы.

Кроме того, под несомненным влиянием Щербатского РКИСВА отправил в Тибет в декабре 1905 г. его ученика Б.Б. Барадийна (Барадин 1999). Отметим здесь, что в августе 1905 г., сразу же по возвращении из Монголии, Ф.И. Щербатской имел встречу с Барадийном и предложил ему, между прочим, взять на себя «кроме научной задачи» и «политическую агентуру или что-то вроде того». Барадийн, однако, ответил решительным отказом, заявив, что «наука и политика идут по совершенно разным дорогам, и ни один человек не может выполнить одновременно задачу науки и политики»¹⁴.

Этот любопытный факт свидетельствует о том, что Щербатской, очевидно, придерживался иного мнения, полагая, что активная политика России в Тибете и дружба с Далай-ламой могут в немалой степени содействовать решению научных задач, прежде всего буддологическим исследованиям российских ученых.

¹³ Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович (1827–1914) — географ, статистик, общественный деятель, почетный член Петербургской АН (1873); вице-председатель и глава ИРГО (с 1873 г.).

¹⁴ Письмо Б.Б. Барадийна С.Ф. Ольденбургу от 2 декабря 1905 г. / СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 28. Л. 24 об. Несмотря на высказанное им довольно категоричное мнение, Барадийн, проживая в Лавране (в 1906–1907 гг.), пытался собрать сведения о Далай-ламе, находившемся в это время в монастыре Гум-бум, с помощью соотечественника, бурятского ламы Дензина, которого он называет своим «агентом».

Отрывки из дневника Ф.И. Щербатского

О путешествии в Ургу.

Экспедиционный дневник, выписки из санскритских и тибетских текстов.

Автограф. Апрель–июль, 1905

(СПбФ АРАН. Ф. 725. Оп. 1. Д. 129. 42 л.)

<л. 1>

[Б.д.] Выехал из Петербурга в среду на Фоминой [неделе]¹⁵ вечером, ехали вместе с А.А. Кодормоном; толковал с ним вечером и утром о переселении, землевладении и общине. С последней он, по-видимому, мало знаком, не причисляет себя ни к её сторонникам, ни к её противникам. В Москве встретился с Рамстедтом¹⁶, был с ним у Вернадского¹⁷, где собрались Милонов, А. Корнилов, Кодормон и др. Они собирались на съезд представителей земства, в котором поименованные три лица должны были участвовать как представители третьего элемента, т.е., как я понимаю, не крестьян, не дворян, а безземельной интеллигенции, служившей в земстве по найму. Рамстедт беседовал с Милоновым, и, по-видимому, они остались довольны друг другом. На прощание М-те Вернадская сказала Рамстедту, мы очень рады, что в Финляндии у нас есть единомышленники. Вернадский находит, что Высочайшая отчитка¹⁸ (? — А.А.) и решение совета министров о том, что студенты и профессора должны быть уволены, если правильные занятия не возобновятся 1-го сентября¹⁹, делает для профессоров невозможным нравственное воздействие на студентов, т.к. каждое слово их может быть истолковано последними в смысле действия согласно с отчиткой (? — А.А.).

<л. 9> Суббота. 4 июня. Приходил Дельков, спрашивал, готов ли перевод ответа для Д[алай]-Л[амы]²⁰. Из его слов выходит, что Д[алай]-Л[ама] ждёт ответа из Петербурга на какие-то 6 вопросов и, по всей вероятности, осенью вернётся в Тибет, выедет из Урги в июле, а в августе остановится на некоторое время в Джунгарии для подкормки [верблюдов]. Дельков советует отправить и Бородина²¹ в Тибет вместе

¹⁵ Фомина неделя (Радоницкая неделя) — праздничная неделя, начинается в Фомино воскресенье (следующее после Пасхи) и заканчивается в субботу.

¹⁶ Густав Рамстедт (1873–1950) — финский лингвист и дипломат, специалист по исторической лингвистике уральских, алтайских, корейского и японского языков.

¹⁷ Вернадский Владимир Иванович (1863–1945), ученый-естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель; создатель учения о ноосфере и биосфере. В описываемое время — приват-доцент кафедры кристаллографии и минералогии Московского университета.

¹⁸ Церк. правосл. «изгнание бесов», экзорцизм.

¹⁹ Речь, по-видимому, идет о Высочайшем указе «О мероприятиях, вызванных прекращением занятий в высших учебных заведениях» от 16 апреля 1905 г., который В.И. Вернадский саркастически называет «отчиткой». Указ этот грозил закрытием высших учебных заведений (университетов) и увольнением их профессорско-преподавательского состава и студентов в том случае, если занятия, прервавшиеся в них ранее, не будут возобновлены с наступлением осеннего семестра. Столь решительная мера явилась следствием студенческих волнений, пик которых приходился на март 1905 г. В результате ряд университетов был закрыт, включая Московский университет.

²⁰ Далай-лама XIII — Тубгэн Гьяцо (Thub-bstan rgya-mtsho) (1876–1933), теократический правитель Тибета (1895–1933), реформатор, искусный дипломат, борец за независимость Тибета. С конца XIX в. под влиянием своего политического советника бурята Агвана Доржиева стал искать сближения с царской Россией. Далай-лама хотел, чтобы Северная держава «Белого царя», покровительствующая буддистам (бурятам и калмыкам), установила протекторат над Тибетом, заняв место его прежнего суверена, Цинского Китая, неспособного защитить страну от английской экспансии (см.: Андреев 2006: 77–105).

²¹ Бородин (Б.Б. Барадийн) — о Б.Б. Барадийне см. примеч. 12.

с Далай-ламой. Действительно, случай для успеха путешествия Бородина единственный.

Поручить Бородину изучить *snyan ngak* и *mngon mdzod*²².

Воскресенье 5-го. Был в консульстве. Люба²³ говорит, что от Гегена²⁴ получил ответ в том смысле, что посещение и фотографирование дацанов никогда допускаемо не было, но что он готов поступить, как хочет консул. Люба видит в этом скрытый отказ с возложением ответственности на него, и потому он совершенно отказывается.

Вечером приходил Дельков, передал ему атлас с переводом всех названий для Д[алай]-Л[амы]. Дельков говорит, что Д[алай]-Л[ама] доволен вниманием, оказанным ему Россией, при настоящих обстоятельствах он большего и не ожидал. От Д[алай]-Л[амы] он получил приглашение сопровождать его в Лхасу и взять с собой несколько бурят. Он думает взять Бородина и Жамцарано, предлагал или спрашивал меня, не поеду ли я в Тибет.

<л. 9 об. — 11> Воскресенье 5-го. Троица. Сегодня в 10 часов заходил Дельков и сказал, что Д[алай]-Л[ама] примет меня в 12 часов. Я спросил о костюме, на что Д[ельков] ответил, что костюм безразличен, т.к. Д[алай]-Л[ама] не придаёт ему значения.

<л. 12> 13 июня. Утром был Галсанов, с которым мы вместе просмотрели перевод статьи из “Peking and Tientsin Times” от 19.V.1905 “Story of a Russian Intrigue”.

<...> Затем зашёл Дельков, которому я передал перевод на русский язык ходатайства Д[алай]-Л[амы] в пользу калмыцкого нойона Тундутова²⁵ об утверждении его в княжеском звании. При этом я сказал Делькову, что, по-моему, Д[алай]-Л[ама] возбуждает в настоящее время подобное ходатайство, в котором уже было отказано, по меньшей мере несвоевременно. Оказывается, что Д[алай]-Л[ама] и его окружающие решились на подобный шаг, потому что его рекомендовал Доржиев, с которым княгиня Дугарова А.А. виделась в Кяхте. <...>

<л. 12 об.> Спрашивал Делькова о пути, по которому предполагает поехать в Тибет Д[алай]-Л[ама]. Тот <л. 13> предполагает выступить в начале июля и двинуть потихоньку с остановками сначала к 1) Дайчин-вану, 2) монастырь Эрдени-цу, 3) Барон-куре, 4) ставку Сайн-нойона и, наконец, 5) в ставку Юм-бейсе, откуда поздней осенью двинуть через Гоби прямо к Кукунору.

<...> На мой вопрос, на чём основаны опасения Д[алай]-Л[амы], что китайцы могут дорогой его убить, Дельков пояснил, что китайцы хотят ему отомстить за предательство и сношения с Россией помимо Китая. Это возможно тем более потому, что после японской войны престиж России сильно упал, китайцы заговорили в совершенно ином тоне, да и монголы, которые прежде боялись России и считали своё присоединение к ней лишь вопросом времени, стали относиться совсем иначе. Цена же

²² *snyan ngak* (санскр. *kāvyā*) — поэтика; *mngon mdzod* (санскр. *Abhidharmaśāstra*) — «Вместилище абхидхармы», сочинение Васубандху на санскрите (IV–V вв.), в котором отразились высшие достижения буддийской философии на раннем этапе ее развития.

²³ Люба Владимир Федорович (1861–1928) — российский дипломат, востоковед, на службе в МИД с 1888 г.; консул в Урге в 1904–1906 гг.

²⁴ Богдо-геген (Богдо-Гэгэн) (1874–1924) — глава буддистов Внешней Монголии (Халхи), Халха-Джебцзундамба-хутухта VIII; в 1911–1921 гг. — теократический правитель Монголии.

²⁵ Нойон Церен-Давид (Давид Цанжинович) Тундутов (1859–1907) принадлежал к одному из старейших родов ойрат-калмыцких нойонов-тайши; правнук героя Отечественной войны 1812 г. Джамба-тайши Тундутова. Ц.-Д. Тундутов был избран в Государственную Думу от калмыцкого населения Астраханской и Ставропольской губерний, состоял в переписке с Далай-ламой XIII, посылал в Лхасу послов с богатыми дарами.

России, сказал, значительно упала. Дельков полагает, что эти мысли китайцев и монгол ошибочны, т.к. Россия ещё не стёрта с лица земли и останется очень сильным государством.

<л. 13 об.> 14-го. Был Галсанов с предложением от сойбона²⁶ купить мой фотографический аппарат. Я в продаже отказал, но выразил готовность подарить при отъезде. <...>

Был в консульстве, сообщил консулу о предложении Д[алай]-Л[амы] сопровождать его в Лхасу, на что консул заявил, что должен заявить об этом в Петербург, т.к. даже про Делькова он доложил, что тот собирается в Лхасу. На это я ответил, что, вероятно Комитет²⁷ снесётся с МИД и под воздействием последнего меня не пошлют.

Окончил для Д[алай]-Л[амы] перевод статьи из Peking and Tensien Times, где помещён отчётный доклад London-го²⁸ о тибетской экспедиции. Консул обещал похлопотать у Гегена о разрешении посещения монастырей и получить yig-cha²⁹.

<л. 16> 16 июня. Узнал от одного китайца, что будто бы в Хурэ³⁰ служили гурум³¹, дабы избавиться от присутствия Д[алай]-Л[амы] по предложению Гегена. Сделана была очень красивая башня³², увешанная хадаками³³ и прочими украшениями. Сам Д[алай]-Л[ама] сделан из соломы и одет в красивые одежды, затем верблюд, бык и козёл, и всё это на площади позади Хурэ, где Гегеном дорога поставлена, богиня³⁴ сожжена, а Д[алай]-Л[амы] шапка брошена в огонь, остальное разодрано и тоже брошено в огонь, животные же увезены обратно.

17-го. Предшественник нынешнего Гегена Нарованчук³⁵ был самодуром, лупил кнутом поклонявшихся ему монахов. Теперешний Геген стоит не лучше, есть его портрет 19 лет, тогда он был симпатичным юношей, потом стал развратничать, по ночам приезжает со своей Дорихою³⁶ к русским купцам Козьчихину и Южину и пьянствует у них. Забавляется тем, что сажает в купель старого ламу и затем стреляет из пушки холостыми [зарядами]; купель опрокидывается, и повторяет это несколько раз. Кроме Дорихи имеет ещё мальчиков... Д[алай]-Л[аму], по-видимому, ненавидит, китайское правительство <л. 16 об.> намекнуло ему, чтобы он принял Д[алай]-Л[аму] не со слишком большими почестями, а он пересолил. На встречу с Д[алай]-Л[амой]

²⁶ Сойбон (*тиб.* sörön — gsol fpon) — один из прислужников Далай-ламы. Какие именно функции выполнял «сойбон» Далай-ламы XIII, трудно сказать. Согласно Тибето-русско-английскому словарю Ю.Н. Рериха (М., 1987), «сойбон» — это 1) распределитель блюд; 2) главный повар; 3) личный секретарь, принимающий прошения и просьбы. В книге «Тибет и Далай-лама» П.К. Козлов пишет, что сойбон-хамбо прислуживал Далай-ламе ночью в качестве «дядьки» (Козлов 2004: 77).

²⁷ Имеется в виду РКИСВА.

²⁸ Видимо, Лондонское Географическое общество.

²⁹ Yig-cha — *тиб.* «учебник(и) логики».

³⁰ Хурэ или Их-Хурэ — большой круг, монгольское название ставки Богдо-гегена в Урге.

³¹ Гурум (*монг.* гүрэм) — заклинания, моления, религиозная церемония, обряд (толкование Б.М. Нармаева); «ритуал защитно-атакующей магии, когда прибегают к защите дхармапал» (боги-защитники буддийского учения и его последователей) (толкование А.А. Терентьева).

³² Как объясняет И.И. Ломакина, это Сор — «ярко раскрашенная трехгранная пирамида из теста, сделанного из дзамбы, поджаренной ячменной муки. Ею ламы привлекают духов, чтобы потом сжечь их с Сором (Ломакина 2001: 63).

³³ Хадак (*монг.* хадаг, *тиб.* kha btags) — тибетский церемониальный шарф из тонкого шелка, подносится в знак уважения старшим и гостям при приветствии.

³⁴ И.И. Ломакина предполагает, что это Лхамо, покровительница Лхасы (Ломакина 2001: 65).

³⁵ Богдо-геген VII — Нгаванг Чокьи Ванчуг Тинлей Гьяцо (1849/1850–1868/1869).

³⁶ Ф.И. Щербатской имеет в виду наложницу Богдо-гегена, нареченную им Дарь-Эхэ (Белая Тара) (Ломакина 2001: 103–104).

явился к нему в Гандан пьяный и с любовницей, произошла сцена, во время которой Д[алай]-Л[ама] энергично отметил поведение Гегена. После этого Геген пригласил к себе Д[алай]-Л[аму] и подарил в его казну 1000 лан.

<...> В настоящее время Геген, китайское правительство и русский консул единодушно усердствуют в целях удаления Д[алай]-Л[амы] из Урги в Лхассу. Геген по материальным соображениям, МИД чтобы сбыть с рук дело, а китайское правительство из каких-то неясных целей. В настоящее время в Калькутте идут переговоры между китайскими чиновниками и вице-королём для выработки договора, который должен заменить собой кассированный Йонгхазбендский договор³⁷.

<л. 17> О ходе и содержании переговоров, однако, китайское правительство Д[алай]-Л[аме] ничего не сообщает, а требует, чтобы Д[алай]-Л[ама] уехал скорее.

<л. 18 об.> Сегодня от 2–6[ч.] художник (учитель рисования) из Кяхты Н.Д. Кожевников рисовал портрет Д[алай]-Л[амы] карандашом. Д[алай]-Л[ама] пожелал иметь два портрета, один в простом виде, другой в парадном облачении на троне. С каждого портрета будет сделана копия для Царя. Таким образом, всего надо будет сделать 4 портрета³⁸.

<л. 19> Ввиду опасения Д[алай]-Л[амы] за судьбу его обратного путешествия в Тибет я предложил через Делькова написать Рокхиллю³⁹ и попросить его совета. Дельков говорил об этом с Д[алай]-Л[амой], причём тут же объяснил, что такое Америка, где она лежит, кто такой Рокхил, [который] знаком с С.Ф. Ольденбургом, делал два путешествия. Д[алай]-Л[ама] и его окружающие, по-видимому, имеют смутное понятие как об Америке, так и об Рокхиле и его путешествиях, обещали подумать и дать ответ. Не менее смутное понятие имеет Д[алай]-Л[ама] об Японии, и Дельков упомянул, что он старался объяснить Д[алай]-Л[аме] настоящее и будущее значение Японии и её близость к буддизму.

<л. 19 об.> 19 июня. Утром приходил Козлов, только что получивший ответ из Петербурга. Наместник⁴⁰ отказался принять телеграмму, т.к. наместничество упразднено. От П.П. Семёнова же получена телеграмма такого содержания: на конвой МИД не согласен. Козлову разрешено ехать в экспедицию в горный Тибет независимо от Далай-ламы по другому маршруту и в другое время, расходы же должны превысить 20.000. Просил телеграфировать, сколько ему нужно спутников в качестве прислуги. Козлов предполагает ехать по Алашани, с князем коей он в хороших отношениях, а затем объехать к югу от Кукунора горную страну, взять 12 человек прислуги-казаков; у Кукунора можно будет встретиться с Д[алай]-Л[амой]. Д[алай]-Л[ама] после этого ответа, быть может, ускорит свой отъезд из Урги <л. 20>, к которой его прикрепляет только существование телеграфа, иначе он предпочёл бы жить у одного из монгольских князей, дабы избежать напряжённости со стороны Богдо-гегена; в Тибет же Д[алай]-Л[ама] всё ещё не думает двинуться, пока не завершатся переговоры

³⁷ См. примеч. 12.

³⁸ О портретах Далай-ламы, нарисованных Н.Д. Кожевниковым, см. (Леонов 1984: 58–62).

³⁹ См. примеч. 10.

⁴⁰ Речь идет об Е.И. Алексееве. Алексеев Евгений Иванович (1843–1918) — военный и государственный деятель, адмирал (1903); в 1903–1905 гг. — наместник на Дальнем Востоке. В русско-японской войне — главнокомандующий сухопутными и морскими силами. Е.И. Алексеев ратовал за переселение Далай-ламы в Россию, и его точку зрения разделяли некоторые другие генералы. В своем Монгольском дневнике П.К. Козлов пишет, что накануне отъезда из Петербурга он подготовил «проект о конвое при Далай-ламе в Лхасу наместнику ген.-адъютанту Алексееву, с которым мы ранее обсудили об этом деле». Проект П.К. Козлова получил поддержку военной элиты (Козлов 2004: 98).

с Калькуттой. Во время последнего сеанса с Кожевниковым Д[алай]-Л[ама] сильно кашлял, по-видимому, чахоточник.

20 июня. Приехал драгоман Долбежев⁴¹; из разных мест узнал, что Богдо-геген сердится и на консульство за то, что оно поддержало Д[алай]-Л[ама] при его приезде. Геген сговорился с амбанем⁴², чтобы помочь отправить Д[алай]-Л[ама], когда китайское правительство узнало, что он хочет ехать в Россию, и ни за что не хотело его отпускать. Но в консульстве поддержали Д[алай]-Л[ама], и с ним уже не сочли возможным поступить бесцеремонно. Геген рассердился и на амбана и говорит ему: «И не мог ты выжить этого ламишку».

<л. 21 об.> 20) Сегодня Козлов снимал 12 пластинок у Д[алай]-Л[ама], из них три самого Д[алай]-Л[ама] — его подданных⁴³.

21) Приходил Дельков, сказал, что Д[алай]-Л[ама] вряд ли двинется из Монголии раньше октября. Вероятно, и Козлов изменит своё решение в зависимости от этого. Нынешнюю командировку он окончит в августе, а в октябре, быть может, или позже поедет в Тибет. Таким образом, второе путешествие от него не уйдёт⁴⁴. Тибетец, опекун Д[алай]-Л[ама] в Пекине, возвратился с известием, что политика Пекинского двора находится вполне в руках иностранцев: японцев, американцев, англичан и русских. Китайцы кое-что сообщают Д[алай]-Л[ама] о ходе переговоров в Калькутте, но, по-видимому, только то, что подскажут англичане, и Д[алай]-Л[ама] относится к этому подозрительно. Все клонят к тому, чтобы Д[алай]-Л[ама] скорее ехал в Тибет, но Д[алай]-Л[ама] не верит обещаниям англичан, данным России.

<л. 22> <...> Дельков тоже думает, что хутухта⁴⁵ особенно враждебен к Д[алай]-Л[ама] из-за влияния инструкций из Пекина, и боится, чтобы и самому не пострадать, если будет сочувствовать к Д[алай]-Л[ама]. Резные ограды Шарила⁴⁶ от маленького сумэ⁴⁷, где Д[алай]-Л[ама] говорит ежедневно проповеди паломникам, там был поставлен его трон перед тронном хутухты. Однажды хутухта зашёл и велел этот трон вынести, и ещё много мелких укулов самолюбию Д[алай]-Л[ама] делал.

<л. 23 об.> 22 июня. Приходил Козлов. Он получил письмо от Доржеева, который всё ещё сидит в Кяхте у Лушниковых⁴⁸. Он просит Козлова непременно воспользо-

⁴¹ Долбежев Владимир Васильевич (1873–1958) — секретарь консульства в Урге. Драгоман — консульский переводчик.

⁴² Амбань (*монг.* амбан) — представители маньчжурского правительства в дореволюционной Монголии и Тибете.

⁴³ Сообщение Ф.И. Щербатского вызывает большие сомнения, поскольку Далай-лама не разрешал фотографировать себя. Первые фотографии правителя Тибета появились только в 1910 г., после его вторичного бегства из Лхасы в Даржилинг в Британской Индии. Одна из таких фотографий (в виде открытки) находится в фонде Ф.И. Щербатского (см.: СПбФ АРАН. Ф. 725. Оп. 2. Д. 21).

⁴⁴ П.К. Козлову не удалось отправиться в Тибет ни в 1905, ни в 1906 г. Лишь в 1907 г. он снарядил новую экспедицию — Монголо-Сычуаньскую (1907–1909), во время которой он вновь встречался с Далай-ламой, на этот раз в амдосском монастыре Кумбум (23 февраля — 7 марта 1909 г.) (Козлов 1948: 274–278).

⁴⁵ См. примеч. 25.

⁴⁶ Шарил — *искаж. санскр.* śaṅṅa (*тиб.* ṅing bsrel), «мощи, испеленные остатки какого-либо выдающегося буддийского деятеля» (толкование В.Л. Успенского). И.И. Ломакина дает иное объяснение, согласно которому в храмах Гандана находились мумифицированные тела Богдо-гегенов V и VII. Это были восседавшие на тронах реликвии — «мумии с позолоченным лицом и кистями рук, облаченные в парадные одежды...» (Ломакина 2001: 53).

⁴⁷ Сумэ (*монг.* сүм) — храм или небольшой монастырь.

⁴⁸ Лушниковы — купеческая семья в Кяхте, имевшая торговые лавки в Монголии. В их доме в Кяхте нередко останавливались русские путешественники. В доме А.М. Лушникова проживал в мае–августе 1905 г. Агван Доржиев.

ваться разрешением в той или другой форме, а не отказываться. Д[алай]-Л[ама] также получил письмо от Доржеева и, вероятно, с таким же содержанием. На вопрос Козлова Д[алай]-Л[ама] ответил, что очень бы желал ехать совместно с ним, но не желает, чтобы это дало повод к каким-то неприятностям международного свойства. Доржеев ему сообщил о телеграмме из Пекина, что «Тибетское недоразумение» улажено. Китай согласился на уплату Англией 450.000 долларов. Но Д[алай]-Л[ама] не придаёт этому известию большого значения и ждёт ответа от Покотилова⁴⁹, который обещал разузнать всё в Пекине и добиться гарантии безопасного возвращения в Тибет. Пока что Д[алай]-Л[ама] предпочитает ждать. Козлов решил не отказываться пока что от экспедиции, потребовав перевода сюда денег 20.000 р. <...>

<л. 24> Вчера был длинный сеанс у художника Кожевникова, он писал Д[алай]-Л[аму] карандашом в парадном облачении, в шапке Цонхавы. Вечером приходил Дельиков, и [я] сообщил ему известие из Peking & Tientsin Times от 20 июня о планах Д[алай]-Л[амы]. Дельиков был ужасно удивлён осведомлённостью Morrison'a, просил перевести телеграмму по-русски. Этот Дельиков просил от имени Д[алай]-Л[амы] написать письмо Рокхиллю⁵⁰, прося его о содействии США⁵¹ в благополучном возвращении домой Д[алай]-Л[амы].

<л. 24 об.> *China Times*, 20 June 1905. — Dr Morrison telegraphed to the *Times* from Peking on the 8th: messages from Urga state that the DL will leave from Si-ning-fu on the 18th accompanied by Yen-chi, the *amban* at Si-ning-fu. More probable he will await the arrival of Pokotiloff, the new Russian minister to China, in order to appeal for assistance in the restitution of his office. His emissary who has been in Peking since December, pleading his cause before the Chinese, is still living here in the Great Lama temple. Throughout his stay at Urga the DL has been carefully shepherded by M. Luba, the Russian Consul. He has seen and visited Mongols from all parts of Mongolia⁵².

Сообщил Козлову о предложении Д[алай]-Л[амы] написать Рокхиллю. Козлов находит возможным, только если мы не поедем. Вечером приходил Дельиков, которому я показал обе версии письма Рокхиллю, краткую и полную. Ему понравилась больше полная.

<л. 25> Дельиков уехал со специальным поручением от Д[алай]-Л[амы] в Кяхту. Вновь консул приезжал к Д[алай]-Л[аме] и, вероятно, сообщил ему ответ Покотилова. В чём он состоит, неизвестно, но Дельиков говорил, что Д[алай]-Л[ама] недоволен тем, что китайское правительство нашло неудобным сообщить Покотилову содержание тибетского договора, заключённого в Калькутте. — Д[алай]-Л[ама] возвратил мне мои стихи с просьбой перевести их ещё на тарнистический язык⁵³; ещё говорил

⁴⁹ См. примеч. 6.

⁵⁰ См. примеч. 10.

⁵¹ США — Соединенные Штаты Северной Америки, как в то время назывались США.

⁵² Перевод с английского: «„Чайна таймс“, 20 июня 1905 г. — Доктор Моррисон телеграфировал в „Таймс“ из Пекина 8-го числа: сообщения из Урги говорят о том, что Далай-лама отправится в Си-нинг-фу 18-го числа, в сопровождении Чжен-чи, амбана Си-нинг-фу. Более вероятно, он будет ожидать прибытия Покотилова, нового русского посланника в Китае, чтобы просить о помощи в восстановлении его поста. (Указ о снятии Далай-ламы с его поста китайский император обнародовал 28 августа 1904 г. — *А.А.*) Его эмиссар, который находится в Пекине с декабря и отстаивает его интересы перед китайцами, все еще живет в Великом Храме Ламы. Во время пребывания в Урге Далай-ламу тщательно опекает г-н Люба, русский консул. Он видит и посещает монголов со всех частей Монголии».

⁵³ Тарнистический язык, или язык тарни (монголизированная форма *санскр.* dhāraṇī; *тиб.* gzungs sngags) — мистические изречения, заклинания, охранительные формулы (толкование Б.М. Нармаева); «язык тайной мантры» (ваджраяна) (толкование Е.Ю. Харьковской).

Дельиков, что касается до письма Рокхиллю, то Д[алай]-Л[ама] просит написать ему просто, что желает установить сношения и только не писать о деятельности китайского правительства.

<л. 25 об.> 3.7.05. Прочитал в «Новом Времени» и в Peking & Tentsien Times, что переговоры между Китаем и Англией продолжаются, что в Тибете будет наместничество. С другой стороны, Покотилов не сообщил содержания договора, ссылаясь на то, что это государственная тайна. Далай-лама говорил нам же, «тайна от меня». Очевидно, что китайцы хотят если не убить Далай-ламу, то свести его на чисто духовную роль, как это сделано с Гегеном. Далай-лама сильно недолюбливает китайцев... но монголы сильно стоят за него. Курлык-бейсе⁵⁴ во время его приезда собирався в Пекин, но предоставил весь свой караван, около 300 верблюдов, Далай-ламе. Далай-лама говорит, что очень верит преданности монголов и мог бы их поднять на что угодно⁵⁵.

<л. 27> 7.VII. Приходил Дельиков, вернувшийся из Кяхты. Он обернулся в 5 дней. 2 дня пробыл в Кяхте, видел Доржеева, который едет в Петербург (? — А.А.). Я сообщил Дельикову о слухах, что англичане наняли убийц Доржеева. Дельиков смутился и, по-видимому, боится, как бы на обратном пути хунхузы не напали на Далай-ламу, и боится, кажется, и за себя. Сообщил Дельикову о телеграмме Ольденбургу, на что тот сказал: однако в Петербурге сильно побаиваются англичан. Подтвердил слух о том, что англичане увезли Рабданова⁵⁶ в Лондон. Я возразил, что вероятнее гораздо, что его убили, нежели чем увезли в Лондон. Дельиков говорит, что Далай-лама всё более становится недоволен ответами МИД из Петербурга. Ответы нерешительные, и Далай-ламе кажется, что относятся к нему свысока. Оказывается, Далай-лама предложил свои услуги при предстоящих мирных переговорах с японцами, на что из Петербурга ответили: благодарим, но советуем не доверять проiscaм японцев. Очевидно, в МИД считают вопрос о Далай-ламе второстепенным, неважным, смотрят на Далай-ламу свысока.

Дельиков говорит, что Д[алай]-Л[ама] мог бы привести под власть России все народы Центральной Азии, и кто хозяин в Монголии, тот будет рано или поздно хозяином во всей Азии.

<л. 27 об.> 8.VII.05. Мой разговор с Дельиковым последний передал Козлову, и когда сегодня я затронул тему о стратегическом положении Монголии, то Козлов сказал, что Дельиков ему об этом говорил и что он готовит записку, где будет главным образом излагать значение Д[алай]-Л[амы] среди всех монгольских князей, что он может, если захочет, присоединить всю Монголию до границ Тибета к России...

<л. 28 об.> 9.VII.05. Получил письмо от Ольденбурга, Якоби⁵⁷ и Жамцаранова. Последний очень неутешительно требует хорошего заработка. Был Дельиков, жаловался на МИД, из его слов выходит, что Покотилов даже сочувствовал конвою, но Люба всё дело расстроил в Министерстве. Консульство отказывает даже в конвое из бурят-буддистов. Между тем ген. Холшевников⁵⁸ и начальник казачий Надаров, го-

⁵⁴ Курлык-бейсе — один из монгольских князей Цайдама.

⁵⁵ Ср. запись в дневнике П.К. Козлова (Козлов 2004: 112).

⁵⁶ Рабданов Будда — бурят, доверенное лицо А. Доржиева. В 1901 г. МИД назначил его консулом в Дарчендо (Дацзянлу), в провинции Сычуань, для поддержания постоянных контактов с правительством Тибета. Эту должность он исполнял в 1903–1904 гг. (Андреев 2006: 95, примеч. 52).

⁵⁷ Якоби Германн (Jacobi Hermann) (1850–1937) — немецкий индолог (санскритолог); преподавал в Киле, Бонне (1889–1922), член-корр. Петербургской АН (с 1902 г.). Один из учителей Ф.И. Щербатского.

⁵⁸ Холшевников Иван Васильевич (1852–1928) — генерал-лейтенант, военный губернатор и командующий войсками Забайкальской области, наказной атаман Забайкальского казачьего войска (1904).

ворит Дельков, если только будет дано разрешение, то он немедленно вызовет казаков-буддистов... и пошлёт их с Д[алай]-Л[амой].

В настоящее время Д[алай]-Л[ама] не знает, что делать, по-видимому, ехать в Тибет не думает.

<л. 29> Был у Цыбикова, очень понравился.

<л. 31 об.> 12.7.05. Сегодня консул был у Д[алай]-Л[амы] и сообщил, что он разрешает ему иметь конвой из бурят-казаков, видных паломников, но что это разрешение он даёт только от себя, под свою личную ответственность (?!! — А.А.).

В бытность в Кяхте Дельков виделся с Холшевниковым, и тот ему сказал, что, если только получит разрешение МИД, то он немедленно снесётся с Назаровым и возьмёт от него казаков бывалых в деле, время на службе у Д[алай]-Л[амы] будет считаться им за действительную службу. Д[алай]-Л[ама], по-видимому, очень доволен этим разрешением, говорит, что впредь двери Лхасы будут открыты для русских учёных, и просит всех приходиться не стесняясь. Кроме этого, он хочет иметь 4-х агентов-бурят в Дарцандо, Пекине, Хлассе⁵⁹ и Урге и желал бы провести по кратчайшему пути телеграфную линию из России в Хлассу <...>. Прямой путь по маршруту из Кобдо в Хлассу, но путь лежит на невозможной высоте, а местное население или мусульманское или китайское, почему Козлов думает, что лучше вести телеграф на Ургу по Монголии; в Кяхте, вероятно, будет железная дорога в Ургу и русская проволока.

<л. 32> 13.VII.05. Был у Д[алай]-Л[амы], аудиенция была назначена в 10 часов совместно с Козловым и Кожевниковым, но сначала был принят Козлов с Кожевниковым, а я ожидал в юрте Делькова ипил кумыс. После аудиенции имел разговор с Козловым о времени его отъезда, он говорит, что отпуск у него на 4 мес[яца] до 5 августа⁶⁰, но это ничего не значит; он может пробыть сколько угодно, собирается в Удинск⁶¹ и думает взять с собой Кожевникова. Последнему директор реал[ьного] училища Малиновский отказал в отпуске, но он надеется выхлопотать его в Петербурге. Я сказал (искренно), что после аудиенции думаю уехать. Он после уговаривал меня остаться, хоть до конца месяца, чтобы уехать вместе⁶²; он будто бы ожидает телеграммы из Петербурга.

<...> По возвращении от Д[алай]-Л[амы] он⁶³ (т.е. Козлов. — А.А.) говорит: «Ну, теперь я могу сказать Вам, я должен [ехать] через 3 дня. Далай-лама хочет, чтобы я защищал его интересы в Петербурге!». Вечером я и говорю Козлову, значит, мы можем ехать вместе, на что он отвечает откровенно, что «я хотел бы с Вами встретиться в Иркутске или Удинске, со мною едут Кожевников и Телешов»... <...> <л. 32 об.> Из подарков, данных Д[алай]-Л[амой] Козлову, выделяется один бурхан, по-видимому, vajrāsana,⁶⁴ большой серебряный с подвесками, чудной китайской работы. Я спросил Козлова, кому этот подарок, на что он ответил «это мне, это мне». Д[алай]-Л[ама] сказал, это мне друг подарил, я хотел взять его в Хлассу, но Вам, так и быть, отдам. История же этого подарка такова: когда Козлов ходил к Далай-ламе с художником Кожевниковым, то во время сеанса он высмотрел этот бурхан... Дельков говорит, что генерал Поливанов⁶⁵, отправляя его, выразил желание получить

⁵⁹ Лхаса.

⁶⁰ Так в дневнике. Возможно, ошибка.

⁶¹ Верхнеудинск (совр. Улан-Удэ).

⁶² Здесь и далее подчеркнуто Ф.И. Щербатским.

⁶³ Имеется в виду Козлов.

⁶⁴ Ваджрасана — «Алмазная поза» в хатха-йоге. Здесь имеется в виду статуя Будды в этой позе.

⁶⁵ Поливанов Алексей Алексеевич (1855–1920) — военный деятель, генерал от инфантерии. В январе 1905 г. назначен 2-м генерал-квартирмейстером, в июне — исполняющим обязанности, а в начале 1906 г. — начальником Главного штаба.

большого размера, [Козлов] указал на желаемый бурхан, через Делькова говорит, что Поливанов желает иметь такой бурхан. Но Д[алай]-Л[ама] ответил, что получил его от князя друга, который желал бы, чтобы Д[алай]-Л[ама] увёз его с собой в Хлассу и хранил в Будале, а тибетских больших бурханов у него нет. <...>. Через некоторое время Козлов повторил свою просьбу... Он сказал <л. 33>, что Поливанов назначен начальником Главного Штаба, что он очень большая шишка и что его непременно нужно уместить поднесением такого именно бурхана, который выбрал Козлов.

В результате Д[алай]-Л[ама] преподнёс Козлову бурхан для Поливанова, а Козлов, вероятно, присвоит его себе.

Я вошёл к Д[алай]-Л[ама] около 12 часов, присутствовали сойбон и эмчи⁶⁶, в углу пишут буквами титул Д[алай]-Л[ама] на портрете Д[алай]-Л[ама], нарисованном Кожевниковым. Поднёс шёлковый хадак, который Д[алай]-Л[ама] долго рассматривал. <л. 33 об.> Сидел на боковом троне, мне сразу указал на стул, дали чашку чая байхового. Д[алай]-Л[ама] спросил, как себя чувствую, после некоторого молчания я говорю о письме, полученном от Ольденбурга. <...> Затем я говорю о письме Якоби, на что Д[алай]-Л[ама] выразил радость, удовольствие... <...> Д[алай]-Л[ама] спрашивает, долго ли я останусь здесь. Я говорю: не больше десяти дней.

<...> Затем Д[алай]-Л[ама] говорит, что все его просьбы ко мне изложены письменно в 5 вопросах, и просил не уезжать, пока эти пункты не будут мне вручены. В заключение Д[алай]-Л[ама] просил [меня] быть постоянно в близких с ним сношениях. Дельков после аудиенции позже говорил, что Д[алай]-Л[ама] надеется быть в постоянных со мной сношениях по делам политики и научным, причём, вероятно, научных советов побольше. Вышел я от Д[алай]-Л[ама] в очень радостном настроении и весь вечер переживал заново свидание с Его Святейшеством, отчего почувствовал сердцебиение и головную боль.

Дельков сказал, что здесь, в Урге, удачный случай для знакомства с Д[алай]-Л[ама], т.к. в Хлассе он страшно высок и недоступен, недоступны и окружающие его хамбы⁶⁷, тогда как здесь, в Урге, все они «как рыба, выброшенная на сухой берег...».

<л. 34> 15.VII.05. Вчера Дельков принёс изложенные им по-русски поручения или инструкции Д[алай]-Л[ама] в 5 пунктов, смысл которых в том, что он считает уверения консульства недостаточными и просит хлопотать об эскорте. Для лучшей редакции послал их Цыбикову. Мне принёс по-тибетски составленные сойбоном ответы Далай-ламы по ряду телеграмм, полученных в последнее время. Оказывается, что в последнее время, после того, как Д[алай]-Л[ама] сообщили о переговорах между нами и японцами, наше МИД зашевелилось, произошёл... обмен телеграммами между Поливановым, Люба и МИД. Телеграммы были представлены Д[алай]-Л[ама], причём просили его не доверять хитрым проискам японцев.

<л. 34 об.> <...> Сегодня получил 2 телеграммы от Ольденбурга и Бородина. Последний командирован на 2 года в Тибет к Д[алай]-Л[ама].

<л. 36> 16.VII.05. <...> Сегодня прибыл в Ургу бурят из Лхасы. <...> По его словам, англичане занимают страну до Gyantse, в этом городе у них гарнизон; точно также гарнизоны в Phari и Tuna.

<л. 37> Долго разговаривал с Цыбиковым. Он командирован Институтом⁶⁸ для собирания сведений о настроении монголов по поводу приезда Д[алай]-Л[ама]. Из слов

⁶⁶ Эмчи-лама (*тиб.*) — лама-лекарь.

⁶⁷ Хамбо, хамбо-лама (*тиб.* mkhan po bla ma) — старший монах, учитель.

⁶⁸ Речь идет о Восточном институте во Владивостоке, где Г. Цыбиков преподавал в 1902–1917 гг. (по возвращении из своего «научного паломничества» в Тибет). В годы русско-японской войны (1904–1905) институт был эвакуирован в Верхнеудинск, откуда Цыбиков и прибыл в Ургу.

Делькова ему предложено поступить к Д[алай]-Л[аме] и ехать в Пекин или Дарцэнто. Цыбиков сомневается (? — А.А.), т.е. ему придётся одновременно быть представителем интересов тибетцев и русских, и он считает, что последнее для него будет важнее, так что он будет плохим слугою Д[алай]-Л[амы]. Затем Цыбиков очень скептически относительно власти Д[алай]-Л[амы] как главы буддийской церкви и правителя Тибета, не говоря уже о южных буддистах.

<л. 39> Аудиенция Цыбикова у Д[алай]-Л[амы] продолжалась очень недолго; он был в монгольском костюме, его спросили, долго ли он пробыл (? — А.А.), хорошо ли чувствовал себя в пути, благополучно ли обстоят дела на его родине, откуда он приехал. Он сказал, что состоит на русской службе, и больше ничего, а предложение поступить на службу к Д[алай]-Л[аме] было сделано только через Делькова.

<л. 40> 17.VII.05. <...> Затем зашёл Дельков, пошли к Д[алай]-Л[аме]. По дороге Дельков сказал, что при проезде принца⁶⁹ он приветствовал его от имени Д[алай]-Л[амы] и сказал, что Д[алай]-Л[ама] желает установить сношения со всеми великими державами. <...> Принц ответил, что он понимает, но распространяться Д[алай]-Л[ама] счёл несвоевременным. Затем Дельков сказал, что после боксёрского восстания⁷⁰ был момент, когда можно было обеспечить независимость и самостоятельность Тибета. Тогда было тибетское посольство в Петербурге, и Дельков участвовал в нём, говорили Государю о необходимости обеспечения самостоятельности Тибета, получили от Государя утвердительный ответ, но оформления (? — А.А.) дела не было. Затем во второй раз Доржеев приехал через Одессу... <...> Между тем Доржеев успел поссориться с Ухтомским и намеренно (? — А.А.) ему противодействовал. В конце концов, Д[алай]-Л[ама] получил от Государя грамоту, где [тот] категорически обещал помощь по случаю агрессивного поведения со стороны Англии⁷¹.

Теперь Д[алай]-Л[ама] желает одного: иметь категорический ответ, да или нет, а между тем МИД водит за нос... <л. 40 об.> <...> Консульство продолжает утверждать, что ни одного англичанина в Тибете нет, а очевидный [факт] говорит, что ещё в апреле они заняли Gyantse, провели телеграф и телефон, установили хорошую дорогу и т.д.

В 11 ч. вошёл к Д[алай]-Л[аме], был печален и серьёзен, спросил, скоро ли еду, я сказал в среду.

Я: Консул дал Козлову уртонских л[ошадей] на понедельник. Поэтому мне нельзя [ехать] раньше среды.

Д.Л.: Какого дня можете... быть в Петербурге?

Я: 18 самое раннее, если задержки не будет.

Д.Л.: Получил ли 5 пунктов?

Я: Получил.

Д.Л.: Если кроме этих 5 пунктов можете в чём оказать содействие и помощь Доржиеву, то не откажите.

<л. 41> Я.: ...Рад сделать всё, что только будет в моих возможностях.

⁶⁹ Прусский принц Фридрих-Леопольд проезжал через Ургу в мае 1905 г. в связи с посещением им Либавского полка, участвовавшего в русско-японской войне. Принц являлся шефом этого полка.

⁷⁰ Боксерское (Ихэтуаньское) восстание было организовано тайным обществом Ихэцюань в Северном Китае в 1899–1901 гг. и направлено против иностранного вмешательства во внутренние дела Цинской империи. В подавлении его участвовали западные державы, включая Россию.

⁷¹ О тибетских посольствах А. Доржиева в Россию в 1900–1901 гг. см. (Андреев 2006: 89–96).

Д[алай]-Л[ама] передаёт письмо к Доржееву и говорит, что Доржеев будет главным его уполномоченным, и просил опять не отказать ему в руководстве.

Затем передаёт известия, полученные от бурятского ламы, выехавшего в апреле из Лхасы, и спрашивает... отчего это р[усское] консульство и кит[айское] правительство поспешили меня уверить, что англичан в всём Тибете нет? Между тем от Gyantse до Лхасы пять дней пути, и если я туда поеду, то англичане всегда могут предупредить... Лама тот слышал, что англичане вновь собираются занять Лхасу. Представьте моё положение, если я приду для того, чтобы попасть в лапы англичан. Конечно, слух этот мною не проверен, но я не вижу, чтобы и консульство проверило своё утверждение, потому что между обоими утверждениями большие противоречия.

Я: Говорю о письме Якоби, что тот сообщил его правительству, что они в Германии ждут ответа и ждут Доржеева, что, по-моему, единственное средство — прибегнуть к защите <л. 41 об.> великих держав. Германия, Франция и Америка могут заинтересоваться этим вопросом.

Д[алай]-Л[ама]: Отчего консульство так упорно стоит на своём?

Я: Рассказываю историю совещания у Шишмарёва⁷², ставлю в свой [рассказ] мнение Шишмарёва и решение Министерства, полагаю, что они не имеют другой цели, как можно скорее отвязаться от Д[алай]-Л[амы] и уехать в отпуск.

Д[алай]-Л[ама]: Англичане занимают более половины моих владений, а меня уверяют, что нет никого.

<л. 42> Далай-лама благодарит за то, что я вызвался ехать с Доржеевым в Европу. <...> Все в Тибете, от мала до велика, ждут помощи от России. Распространился слух, что русская армия уже находится у Кукунора⁷³.

Литература

- Андреев 2006 — *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во СПб. ун-та «Нартанг», 2006.
- Барадин 1924 — *Барадин Б.* Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране. Ленинград, 1924 (Bibliotheca Buddhica. XII).
- Барадин 1999 — *Барадин Базар.* Жизнь в тангутском монастыре Лавран. Дневник буддийского паломника, 1906–1907 гг. / Подготовка к публ., введение, коммент. Ц.П. Ванчиковой. Улан-Удэ; Улан-Батор, 1999.
- Васильков 1989 — *Васильков Я.В.* Краткий отчёт о поездке в Ургу; Из записей во время путешествия в Ургу (1905) (Конспект первой беседы с Далай-ламой) // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М.: Наука, 1989. С. 250–254.
- Вигасин 2008 — *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М.: Издатель Степаненко, 2008.
- Известия РКИСВА 1906 — Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Т. 6. СПб., 1906.
- Козлов 1948 — *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-Хото. 2-е изд. М.: ОГИЗ, 1948.

⁷² Шишмарёв Яков Парфеньевич (1833–1915) — русский консул в Урге (1864–1911). Речь идет о состоявшемся у него дома в Петербурге (в первых числах апреля 1905 г.) совещании по тибетскому вопросу — приезд Далай-ламы XIII в Ургу, сделавший возможным установление отношений с ним российских ученых. В совещании принимали участие Я.П. Шишмарёв, С.Ф. Ольденбург, А.В. Григорьев, В.Л. Котвич, Ф.И. Щербатской, А.Д. Руднев и П.К. Козлов. См. (Козлов 2004: 98).

⁷³ Этой записью заканчивается дневник Ф.И. Щербатского.

- Козлов 2004 — *Козлов П.К.* Дневник по поездке в Монголию [в 1905 году] // Тибет и Далай-лама / Ред. С.Л. Кузьмин. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004. С. 97–127.
- Леонов 1984 — *Леонов Г.* История двух портретов // Азия и Африка сегодня. № 4. С. 58–62.
- Ломакина 2001 — *Ломакина И.И.* Великий Беглец. Документальная повесть. М.: «Дизайн. Информация. Картография», 2001.
- Ломакина 2006 — *Ломакина И.И.* Далай-лама в Урге // Монгольская столица, старая и новая. М.: Изд-во научных изданий КМК, 2006. С. 50–60.
- Цыбиков 1919 — *Цыбиков Г.Ц.* Буддист паломник у святынь Тибета. Пг., 1919.
- Шаумян 2001 — *Шаумян Т.Л.* Англия и Россия в борьбе за господство над Тибетом. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001.
- Шаумян 2005 — *Шаумян Т.Л.* Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов, 1900–1914. М.: Восточная литература РАН, 2005.
- Andreyev 2013 — *Andreyev Alexandre.* Tibet in the Earliest Photographs by Russian Travelers, 1900–1901. New Delhi: Logo, Studio Orientalia, 2013.

References

- Andreyev A.I. *Tibet v politike tsarskoi, sovetskoi i post-sovetskoi Rossii* [Russia and Tibet: A History of Tsarist, Soviet and Post-Soviet Policy]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta "Nartang", 2006 (in Russian).
- Andreyev A. *Tibet in the Earliest Photographs by Russian Travelers, 1900–1901*. New Delhi: Logo, Studio Orientalia, 2013 (in English).
- Baradiin B. *Statuia Maitrei v Zolotom khrame v Lavrane* [The Statue of Maitreya in the Golden Temple at Labran]. Leningrad, 1924 (Bibliotheca Buddhica, XII) (in Russian).
- Baradin Bazar. *Zhizn' v tangutskom monastyre Lavran. Dnevnik buddiiskogo palomnika, 1906–1907 gg.* Edited, prefaced and commented by Ts.P. Vanchikova. Ulan-Ude; Ulan-Bator, 1999 (in Russian).
- Izvestiia RKISVA (Russkogo komiteta dlia izuchenii Srednei i Vostochnoi Azii)* [Transactions of the Russian Committee for the Study of Central and Eastern Asia]. T. 6. St. Petersburg, 1906 (in Russian).
- Kozlov P.K. *Mongolia i Amdo i mertvyi gorod Khara-Khoto*. 2nd ed. Moscow: OGIZ, 1948 (in Russian).
- Kozlov P.K. "Dnevnik po poezdke v Mongoliiu [v 1905 godu]". In: *Tibet i Dalai-lama*. Ed. S.L. Kuz'min. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2004 (in Russian).
- Leonov G. "Istoriia dvukh portretov". *Aziia i Afrika segodnia*, 1984, 4, pp. 58–62 (in Russian).
- Lomakina I.I. *Velikii beglets. Dokumental'naia povest'*. Moscow: "Dizain. Informatsiia. Kartografiia", 2001 (in Russian).
- Lomakina I.I. *Mongol'skaia stolitsa, staraia i novaia*. Moscow: Izdatel'stvo nauchnykh izdaniy KMK, 2006 (in Russian).
- Shaumian T.L. *Angliia i Rossia v bor'be za gosподstvo nad Tibetom*. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001 (in Russian).
- Shaumian T.L. *Rossiia i Tibet. Sbornik russkikh arkhivnykh dokumentov, 1900–1914*. Moscow: Vostochnaia literatura RAN, 2005 (in Russian).
- Tsybikov G.Ts. *Buddist palomnik u sviatyn' Tibeta*. Petrograd, 1919 (in Russian)
- Vasil'kov Y.V. "Kratkii otchet o poezdke v Urgu; Iz zapisei vo vremia puteshestviia v Urgu (1905), Konspekt pervoi besedy s Dalai-lamoi". In: *Vostok–Zapad. Issledovaniia. Perevody. Publikatsii*, vyp. 4. Moscow: Nauka, 1989, pp. 250–254 (in Russian).
- Vigasina A.A. *Izuchenie Indii v Rossii (ocherki i materialy)*. Moscow: Izdatel' Stepanenko, 2008 (in Russian).

The Urga Diary of F.I. Shcherbatsky (1905)

Preface and Commentaries by
Aleksandr I. Andreyev

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 1 (issue 28), pp. 48–67)
Received 28.06.2016.

Aleksandr I. Andreyev

St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science & Technology, Russian Academy of Sciences; Universitetskaya naberezhnaya 5, St. Petersburg, 199034 Russian Federation.

In the spring of 1905 the Russian Committee for the study of Central and Eastern Asia sent one of its members, the Buddhist scholar F.I. Shcherbatsky to Urga in Mongolia to establish contacts with the 13th Dalai Lama. The latter had earlier fled from Lhasa following the invasion of Tibet by the British military-diplomatic mission under Gen. George MacDonald and Francis Younghusband and settled down in the Mongolian capital. He sought Russia's diplomatic assistance and hoped to return to Lhasa with a Russian Cossack escort to be led by Petr K. Kozlov, the well-known explorer of Inner Asia and Tibet in particular, who also came to Urga. Shcherbatsky planned to join the party as he wanted to get access to the book collections of the Tibetan monasteries.

The diary that Shcherbatsky kept in Urga between May and July 1905 is a unique record of the events he personally witnessed. It describes his audiences with the Dalai Lama, his many meetings with Kozlov, the Lama's Buryat interpreter N. Dylikov, the Russian consul F.V. Liuba, focusing in general on the Dalai Lama's difficult situation and the political intrigue he was involved in. Written in barely legible handwriting, the diary is unpublished and practically unknown to Oriental scholars. The paper includes a selection of fragments from Shcherbatsky's diary, deciphered, commented and prefaced by the author (A.I. Andreyev).

Key words: Mongolia, Urga, Lhasa, Tibet, Russia, 13th Dalai Lama, Bogdo-gegen, Th. Shcherbatsky, P. Kozlov, Russian consul.

About the author:

Aleksandr I. Andreyev, Dr. Sci. (History), Leading Researcher Associate, the St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science & Technology, RAS (andreev_ai@inbox.ru).